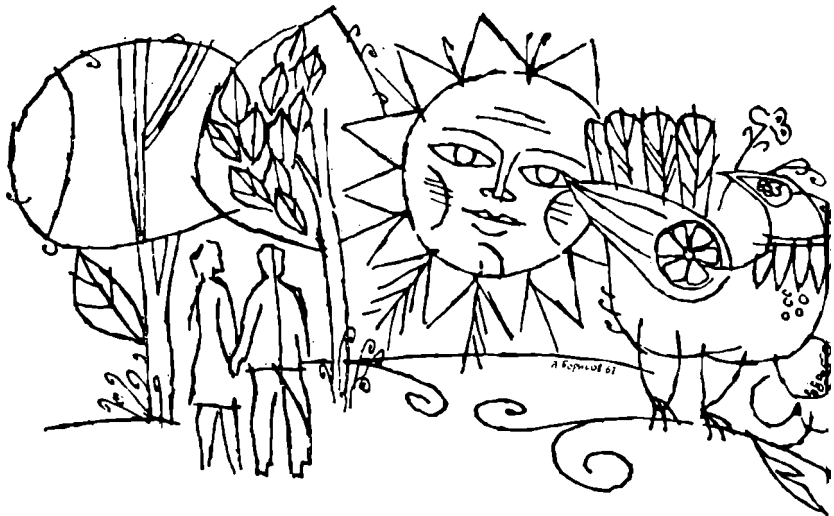

Бождар Бождов

ВЕСЕННЯЯ ПОЭЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» МОСКВА 1968

Божидар Божилов

ВЕСЕННЯЯ ПОЭЗИЯ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

ПЕРЕВОД С БОЛГАРСКОГО
БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

СОСТАВИТЕЛЬ И РЕДАКТОР АЛЕКСЕЙ СОБКОВИЧ
ПРЕДИСЛОВИЕ МАРГАРИТЫ АЛИГЕР

7-4-4
44—68

Мир до краев стихами переполнен.
Их горизонт теряется во мгле.
В моей душе тревоги бьются волны:
Зачем еще поэты на земле?

И то сказать! Мне понятен этот вопрос, который поэт Божидар Божилов задает самому себе. У меня он тоже порой возникает — уж казалось бы, сколько написано прекрасных стихов, читать не перечитать! — куда ж еще? Хватит, право! Но ответом на этот вопрос всегда бывает появление еще одного истинного поэта, встреча с еще одним истинным поэтическим мышлением, существованием, ощущением мира. И меня, жизнь свою прожившую в поэзии и среди поэтов, всякий раз такая новая встреча заставляет снова и снова изумляться: что это за удивительная субстанция — поэт!

Я давно и хорошо знакома с Божидаром Божиловым, умным, интересным человеком, ироничным настолько, что совсем не каждый и не сразу может догадаться, когда он серьезен и когда шутит. Я это его свойство уловила довольно быстро, что и помогло нашему общению, защитив меня от опасности попасть в глупое положение, а его несколько обезоружив. Мы встречались с ним и на официальных собраниях, и на вечерах поэзии, и за дружеским столом — и в Москве, и в Болгарии, где он неизменно гостеприимен и радушен, охотно и увлеченно показывая гостям свой дом — свою страну. Казалось бы, я знаю его предостаточно, но как это все, однако, мало по сравнению с тем, что раскрывает вам поэт в себе самом, в самой сокровенной и самой главной сфере своего существования — в своей поэзии. Как плоско и однолинейно выглядит человек, вроде бы хорошо знакомый мне до сих пор, по сравнению с тем, которого я узнала, прочитав книгу, раскрытую вами.

Она словно дом, эта книга, словно дом человека сложной души, переполненной живыми и острыми чувствами; словно дом, где человек остается один, становится самим собой, не думает о том, как он выглядит и как он должен выглядеть, где он размышляет о самом сокровенном и драгоценном, не ведая о том, что все его раздумья, все движения души его открыты и доступны чьим-то глазам. Да если бы он и ведал об этом, ничто бы не изменилось, ибо глаза-то эти доброжелательны, глаза друга, и поэт не боится их, не умеет их бояться и таиться от них. И вы видите, как он напряженно и взволнованно сущест-

вует, поэт, как много есть в мире вопросов и событий; глубоко тревожащих его, как много есть человеческих личностей и человеческих судеб, о которых он горячо думает, и как много в его собственной судьбе нерешенностей, неустроенности, неблагополучия, и как он незащищен и раним, и отважен и робок, и смущен и горд, и силен и слаб одновременно. Он привносит в свой малый дом всю свою большую душу и огромный мир этой души, и вы встречаетесь в этом мире с Эйнштейном, Казановой, Буало и Корбюзье; и рядом с родным Божидару Божилову Христо Ботевым живут в его мире и грек Костас Варналис, итальянец Сальваторе Квазимодо и Анна Ахматова. Он любит готическими сводами, образованными деревьями Силезии, преклоняет колени перед девушками Польши, которых вешали и распинали на тех же прекрасных деревьях. Он заслушивается веселым мотивом губной гармоники инвалида в туннеле парижского метро и задумывается о контролере этого метро, об официантке и о слепом парижанине. И бродит он по набережной Сены, по Гаване и по Риму, и шумит в его мире Атлантический океан и встают фиолетовые очертания Испании. И повсюду и всегда человек остается человеком, и страдает, и любит, и хочет быть любимым, и это чувство — всегда стихи, горькие стихи, гордые стихи, безжалостные к самому себе, честные стихи. Стихи-раздумья о самом главном, о судьбе своего поколения, о праве своем быть поэтом. Всё — стихи, и не сказать точнее, чем говорит сам поэт:

Я не знаю,
как пишутся стихотворения.
Я их
живу.

И прежде всего, всегда и всюду, на всех широтах и долготах жизни своей, куда бы ни заносило его, поэт остается поэтом, и живет в поэзии, и служит ей, и раскрывается в ней. И я рада новой своей встрече с Божидаром Божиловым в сборнике «Весенняя поэзия», где есть немало и тени, и облаков, и грусти, и душевной боли и который тем не менее по праву назван «Весенняя поэзия», ибо весь он пронизан солнечным светом человечности, любви к жизни и к людям. И в том-то и смысл этих стихов, что «до той поры, пока любить друг друга умеют люди, им стихи нужны!».

И я рада пожать руку новому Божидару Божилову, которого встретила в этом сборнике.

Маргарита Алигер

*Море,
как у меня на постели —
без птиц, без лодок, зарей не горя...
В комнате
все углы опустели,
и сумерки бросили
якоря.*

*Сегодня
прошлое, пылью увитое,
ко мне возвращается... Шепот кругом.
Друзья мои умершие, убитые
медленно заполняют мой дом.*

*Скрипят половицы, доски, ступени,
и в комнату, не зажигая огня,
они проходят сквозь мрак и стены
и задумчиво вглядываются в меня.*

*Безмолвный тянется поединок.
Ответы требуют с разных сторон...*

*...Страх меня выгнал с ваших поминок,
страх меня с ваших увел похорон.*

*Вы в сердце моем остаетесь живыми.
Но видеть, как утопают в цветах
мумии с лицами восковыми?!
В образе человеческом — прах?..*

*Вот почему я хочу, сгорая,
жить среди радостей
и тревог,*

*чтобы мой рок, меня сберегая,
от пули в битве меня не берег.*

*А ты?! Зачем ты, живая, с ними?
С мертвыми*

друзьями моими?..

*Зачем тыходишь с этой толпою,
минуя сомнения и года?*

*Мы только во сне встречались с тобой,
а близкими не были*

никогда.

*И только во сне ты меня любила,
и нежной со мной лишь во сне была.*

Любила...

Это когда-то было...

Этого не было...

Ты умерла...

Кому пригодятся теперь твои платья?

Какой девчонке их отдадут?..

...Море распахивает свои объятия...

Птицы кричат... Лодки плывут.

ГЛУБИНА

*Вот маленькая старенькая комнатка.
Здесь, прожитые, затерялись дни,
когда я был красив, как на портрете,
в том темном и ушедшем далеке.*

*Вот столик, за которым я в тетради
писал большими буквами стихи.
Чернила сохли, высыхали годы...
На той подушке слава снилась мне.*

*На голубой стене зияют раны
от старых и заржавленных гвоздей.
Но нет гвоздей, и нет уже портретов
прославленных поэтов, и картинок
с изображениями баррикад.*

*В иконе той с серебряным окладом
я прятал запрещенные газеты,
и террористы снились мне ночами,
и скованная стужей Сибирь.*

*Вот белое окно, оно как рама,
в нем бьется море и гудит бессменно.
Когда-то мальчик с черными глазами
с ним и с волною разговоры вел.*

*Любимая, когда с тобой придется
нам встретиться, ты вместе с сердцем
возьми все остальное... Но оставь мне
вот эту комнатку...*

НЕЖНОСТЬ

*Прости меня, мама.
Ничего, ничего я тебе вернуть не могу.
В своем старом пальто увядаешь ты медленно,
чтобы сыну приобрести что-нибудь.*

*Руки твои желты от стирки,
и морщин поприбавилось.
А есть у тебя хоть немножечко счастья
среди разных тревог?*

*Я знаю: я был счастьем твоим
и стихи мои, вычитанные в газете.
И когда ты в одиночестве засыпала
и во сне ласкала свое дитя,
снилась тебе громкая слава,
во сне завидовали тебе соседи,
и ты улыбалась с достоинством...
Но как блестят твои волосы,
словно они золотые!*

*То длинное, то холодное время,
что словно на спицах тобою связано,
я в нежных стихах тебе возвращаю,
трепещущий и смущенный, целую тебя.*

*Но разве стихами возможно вернуть
ну хоть что-нибудь, моя дорогая?*

*Только страхи бесчисленные, бесконечные
да покой, потерянный в молодости...*

*Сядь к окну своему белому.
И когда счастливых людей увидишь,
знай, что и сын твой в этом повинен...*

*И ночь пусть опустится. И усталость
тебя убаюкает...*

У Ботева стихотворений мало.

И том стихов его

так прост и неказист.

*В последний путь не слава провожала
поэта, а ночного ветра свист.*

*Но бьется жизнь в том томе, колобродит,
шумит Балкан, трубит олень в лесу,
на смерть мужчины гордые уходят
и держат свои ружья на весу.*

*Что стоит слава полки многотомной,
уютных дней земная череда
пред этой смертью, как Балкан, огромной
и яростной, как ранняя звезда?*

*О счастье помышляю я пристрастно,
и, если мне погибель суждена,
была бы смерть моя, как та, прекрасна,
была бы песнь моя, как та, нужна.*

*Что в шумной славе мне, костру подобной?
Что долгий век? Что крепка чернью дым?
Мне будет тяжело под плитой надгробной,
под мраморным признанием моим.*

*Когда я стану влажною землею
и надо мною поле зацветет,
пусть шепот мой смешается с травой:
«Любимая... тебя люблю... с тобою...
Да здравствуют свобода и народ!»*

ДЕРЕВЬЯ СИЛЕЗИИ

*Деревья смыкают готическим сводом
над дорогой вершины. Ошеломленно
смотрит маленький человечек
сквозь зеленые их витражи,
и льется в глаза ему свет зеленый,
и делает нас добрее и чище.*

*О прекрасный белый собор,
с бесчисленными стволами колонн!
Черной рясы я не имею,
волосы мои растут свободно,
и я колен своих не преклоняю
среди старых каменных твоих братьев,
и пред Иисусом твоим распятым
я не смирился...*

*Но вот сейчас я склоняю колени
в гуще твоей, на серой дороге,
где не старый бог, а девушки Польши
с белыми нежными ладонями
висели распятые и которых
еще никто не желал, не любил...*

*Странные деревья Силезии,
смякнувшие ветки готическим сводом,
были для меня собором...
И я преклонил свои колени,
и тихо заплакал я о мадоннах,
повешенных на ледяном закате.*

*Нет, не люблю я странствия... Прощанье. Грусть.
Кого-то покидаю. Гудит гудок бесстрастный.
Куда-то приезжаю. Куда-то снова рвусь...
И снова расстаиванье...*

Нет, не люблю я странствий!

*Любой отъезд — потеря, хотя б за полверсты.
Любой отъезд — утрата, едва он только начат.
Любители дороги, они всегда черствы:
любовь, разлука, слезы им ничего не значат.*

Живут вокзалы

*в душах любителей дорог,
лежат у них в карманах одни лишь расписанья,
по чемодану — в руки, а бог у них — порог,
о городах мелькнувших мертвы воспоминанья.*

Любители дороги...

Завидую я им.

*А мне перед отъездом, как в пытке настоящей,
ни сна и ни покоя, лишь паровозный дым,
неясная тревога да семафор горящий.*

*Мне чудится, что рельсы змеятся в никуда.
О чем-то телеграф стрекочет...*

Я не знаю.

*Неведомых вокзалов проходит череда.
Кого-то я опять от сердца отрываю.*

*Отъездов и прощаний меня сдает грусть,
я чувствами своими владеть уже не в силе...
Любители дороги, учить вас не берусь.
О, если б забывать
  меня вы научили!*

*Эйнштейн лежит в земле своей
вне искушения и плоти,
лежит, навеки слившись с ней
в круженье вечном и в полете.
Но мысль его летит туда,
в тот мир, влюбленный и горячий,
не снившийся нам никогда,
где время ничего не значит,
не делится на свет и тьму,
где океаном вечность плещет
и нет названья ничему,
а все рождается и блещет.*

*Мир до краев стихами переполнен.
Их горизонт теряется во мгле.
В моей душе тревоги бьются волны:
зачем еще поэты на земле?*

*Уж, кажется, все сказано, все было!
Перо и камень, краска и чернила,
кровь, и слеза, и крик... И в этом суть.
И нужен подвиг, неземная сила,
чтоб новое поведать что-нибудь.*

*Нужна любовь великая, большая
и радостная, как во мраке — свет.
Ее высокий праздник совершая,
солгать попробуй, что любви нет.
Она должна костром своим огромным
ворваться в мир, в котором я живу,
чтоб даже эпитафиям надгробным
в поэмы превратиться наяву.
Тогда в их ритме загрохочут горы,
вдруг встрепенется все и оживет:
и камень Вола, и страданья Лоры...
И жизнь в искусство кровь свою вольет.
Даст крик любви ему и крылья птиц,
чтоб жили в нем счастливое горенье,
трагическое предопределение
и радость, не познавшая границ.*

Так прожитая жизнь в стихотворенье
войдет с непоотревоженным лицом.

Не прикоснется

постаренье

и к сердцу, обожженному свинцом
иль трижды проклятому

любимой...

И даже там,

в земле,

через века

все будет ямба в нем гудеть река,
страдать страстей хорей неукротимый.

В столпотворении стихов и строчек
кому понадобится может стих,
который вял, беспомощен и тих,
как океан, что парусов не мочит,
чьи рифмы равнодушны и не жгут,
чьи строки о свободе поостыли,
которого не жаждут,

как в пустыне —

глотка воды?

Которого не ждут,

как ждут в ненастье зимнем ветра с юга,
метелями и стужей сожжены...

До той поры, пока любить друг друга
умеют люди,

им стихи нужны!

Костакису Пападопулосу

*Я иду по Афинам.
И холм,
и Акрополь на нем
походят на мраморное воспоминанье,
походят на песню.*

*Афины и стары и молоды одновременно,
прекрасны и неотделимы
от голубого дыхания моря,
от резкого звона цикад,
воспевающих
пылающий полдень.*

*Я слышу, как друг мой Костакис
говорит из Софии:
Все города одинаковы —
и северные, и южные,
и западные, и восточные,
и маленькие,
и многомиллионные...
И у всех у них есть предместья,
которые повсюду
одинаковы.*

*И действительно:
одни из них богаты,
другие бедны.*

Одни простояли столетия,
другие пахнут
бетоном и известью.
Одни из них с прошлым,
другие с будущим...
Но у всех у них имеются
предместья,
которые
повсюду одинаковы.
У всех у них есть небо и ветер,
дождь и вечер...
И жители повсюду не замечают,
известен ли город
и чем он знаменит,
город,
в котором они проживают
и в котором они так редко
проходят через главную площадь,
изображенную на рекламах аэролиний.

Им известен кабак в своем квартале,
квартальный кинотеатр,
квартальная почта
и квартальная станция...
А они одинаковы
повсюду на свете...
Да, Костакис!
Это так важно,
чтобы мог ты возвращаться вечером поздним
по улице твоей собственной,
с девушкой твоей собственной.

Город твой с Парфеноном и морем
временно для тебя потерян.
Но город,
над которым синее облако Витоши,
он-то ведь твой!
И ты неспроста говоришь,
что все города одинаковы,
главное — быть счастливым
там, где работа твоя
протекает.
Ты говоришь,
неповторимы
лишь девушка и только счастье,
счастье, которое, как Скорая помощь,
проносится по твоему кварталу
и никогда не вернется обратно
таким, каким оно было сегодня...

Но все города одинаковы
и не одинаковы.
Нет прекраснее города
моего — для меня,
твоего — для тебя...
Я иду по Афинам.
Вечер в Пирее соленый.
Чья-то мать одинокая смотрит на север.
И если я вздумаю ей говорить,
что все города
и все сыновья
одинаковы всюду,
она не поверит,
заплачет,
потому что сына ее зовут Костакис
и родился он в городе Пирее.

*Любовник знаменитый Казанова,
твои шаги в ночи я слышу вновь.
В свой город возвращаешься ты снова,
чтобы, как прежде, осмеять любовь
вельмож чванливых, делящих наследство,
хозяев душ, владельцев кораблей...
Ложь или поцелуй — святые средства
унизить их. Чем тоньше, тем больней.
Венецианский день на крыльях шатких
взмыл ангелом. Звонка его труба.
Там девушки свиданий жаждут сладких,
и бедра дам призывны как судьба.
Пусть плачет тот, кто страсти этой не пил.
Раскаянье — пустяк, как дважды два...
И нет любви. Есть только миг и пепел,
а долг и верность — громкие слова.
Мир возбужден. Он бредит Казановой,
возникшим словно бог перед людьми,
бежавшим из тюрьмы своей свинцовой,
из казематов проклятых
любови
туда, к трепещущей,
манящей,
ясной
бескрайней дали где-то вне земли,
которую так жгуче и опасно
свободою
однажды нарекли.*

МУЖЧИНЫ

Одинокие мужчины стоят у реки.

*Вода как зеркало, все дальше от моста струится
к другим мужчинам, столь же одиноким.*

*А кто они, что напролет все дни
без женской теплоты стоят на берегу в
молчанье?*

*Актеры, художники, поэты...
Возникни женский профиль, юбка прошурши,
они ведь помешают теченью мыслей,
что как реки теченье вдоль гранитных берегов.*

*Поцелуи — им помешать смогут...
И разговоры — им помешать смогут...
любовь — она тоже им помешает...
презрение — тоже им помешает...*

*Они стоят у реки в одиноком молчанье,
наедине со своим Парижем.*

ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

*В туннеле метро, ведущем в Нейи,
разносится веселый мотив,
необычайно веселый мотив —
в метро, ведущем в Нейи,
губной гармонике веселый мотив,
в котором и смех, и поле, и ветер,
и небо голубое.*

*Веселая,
страшно веселая музыка
в метро, ведущем в Нейи.*

*Я шагаю по темному туннелю,
облицованному пестрой рекламой,
и вливается в кровь мою музыка,
словно свет,
страшно веселый,
страшно красивый
этот мотив
в метро, ведущем в Нейи.
И вдруг я его замечаю —
исполнителя этой музыки
на гармошке губной.
У него нет ноги,
он уродлив...
Он не видит,
как солнце сияет с небес,
и целыми днями
он играет во мраке
веселый мотив
в метро, идущем в Нейи.*

Он играет,
чтоб каждый тысячный пассажир
двадцать франков ему подарил.
И только тогда,
когда ночь поглощает дома,
он выходит оттуда,
бредя на ночлег.

Друг мой печальный,
или музыки нету печальной?
Ты ведь печален!
Но печаль никому не нужна, не так ли?
За печаль не заплатят,
нынче печаль не в цене.
И звучит твой мотив
весело,
весело,
весело
в темном туннеле метро,
ведущем в Нейи.

Позабываю, куда иду.
И нужно ли мне куда-нибудь.
Останавливаюсь,
закрываю глаза.
Песня берет меня, как трава,
пальцами своими
зелеными,
и подбрасывает к желтому солнцу,
и подымает меня в бесконечность,
к ветру,
к радостному биенью пульса
силы, свободы и восхищенья.

*Милый мой весельчак,
мой печальный!
Я тоже сейчас, как ты, печален,
а может быть, даже тебя печальней,
и на гармонике стихотворений
я играю своими словами
весело,
весело,
весело,
весело
в туннеле одиночества,
в метро любви.*

Официантка говорит: «Для меня это самый
красивый город на свете!»
И она смотрит на самый красивый город на
свете
через квадрат витрины,
видит дом, часть улицы, две афиши,
автомобили —
ежедневно по десять часов она смотрит на них
и другие десять часов спит
в этом самом красивом городе на свете.

Контролер в метро говорит: «Для меня это
самый красивый город на свете!»
И показывает вверх, туда, где находится этот
город.
Ночью и днем он мечется по туннелям, по
вагонам, по поездам,
он, словно червь, все понимает снизу, со
стороны корней.
Лувр, например, для него не дворец, а станция
«Лувр»,
Тюильри — не парк, а станция «Тюильри»,
Бастилия — не площадь, а станция «Бастилия».

Слепой говорит: «Для меня это самый красивый
город на свете!»
И улыбается, словно видит его.
Я спрашиваю жестоко:
«Откуда ты знаешь о его красоте?
Разве ты видишь его?»

«Красивый, — отвечает слепец. — Самый
красивый на свете!»
И он идет, и его поводырь — голос миллионов
прохожих,
и миллионы автомобильных шин напутствуют
его в пути,
и миллионы каштановых листьев ласково
шепчут ему.

Он ведет меня, постукивая палкой,
а куда ведет — не знаю.

Мы приходим в старый город на острове,
камнем колоколен загромождено все небо,
отблеск реки серебрит вековые крыши,
Жанна Д'Арк, золотая, на коне устремляется к
нам, подобная восходящему солнцу,
гневно Дантон простирает чугунную руку,
на всех знаменах трепетать начинает слово
«Либерте»,
образованное экзальтированными взглядами,
мертвые коммунары «Марсельезу» поют...

Слепец озирает город, самый красивый для него
город на свете,
видит Сену и старинные башни Собора,
видит чистое небо, видит звезды, и видит ветер
и даже траву непроросшую,
видит ветки, которые спят еще в почках,
видит и то, что видят официантка и контролер
метро —
только во сне.

Тяжелая баржа ползет по Сене,
из-под моста выходит, словно дуло,
установленное в запад. И вода,
вся масляная, тотчас закипает,
и волны бьются о гранит, и снова
в гранитную постель свою ложатся...
И отразившаяся в серых водах
картина вдруг становится похожей
на холст Моне. В ее нечеткой сетке
из крапинок и точек — небеса,
деревья, силуэт моста старинный
и каменные здания, деревья,
листва с которых скоро облетит,
едва лишь осени туман прольется.
И вновь вода зеркальна и гладка,
ее поверхность, словно фотопленка,
воспроизводит мир, над ней склоненный,
реальный мир. И это до поры,
пока баржи какой-нибудь громада,
подрагивая, не взволнует воду.
Сердца не так ли наши? Словно реки...
Врезаются и в них и их приводят
в движение то радости, то муки,
и волны этих рек стучат в висках,
и вновь покой недолгий, и опять
волнение, движение, безумство...
И если ты захочешь описать
все пережитое в стихотворенье,
в прекрасном, самом искреннем и чистом,
ты должен будешь уловить тот миг,
когда волна страстей твоих и чувств
уже превозмогла накал свой высший

*неистовства и слепоты, когда
она спешит затихнуть, но еще
ей далеко до полного покоя...
Река улавливает этот миг,
миг творчества, привычно, без ошибок.
А нам, наверно, это не дано.*

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

*Он огромен. Он создан для риска,
не для слабых людей — для богов.
Как Бальзака роман, не изыскан,
бесконечен, глубок и суров.*

*И неистовый в грозных свершеньях,
неумный по сути своей,
не нуждается он в украшениях
и в признательных гимнах людей.*

*Как смешны ему нежные волны,
легкомысленный тонкий туман...*

*...Одинокий, как волк... И безмолвный
Атлантический
океан.*

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Я знаю, что ты существуешь,
четвертое измерение.
Кое-кто тебя видел уже,
но неясно
и в спешке.*

*Но ты существуешь.
И Эйнштейн объясняет тебя
достаточно просто
и, разумеется, туманно достаточно.*

*Он говорит:
при поперечном сечении трехмерной фигуры —
сферы —
получается круг,
при сечении двухмерного круга
получается прямая с одним измерением,
а при пересечении этой прямой —
геометрическая точка.
Следуя логическому ходу этих мыслей,
он добавляет;
четырёхмерной фигурой будет та,
поперечное сечение которой
является трехмерной фигурой,
то есть сферой.
Сверхсфера четвертого измерения,
или гиперсфера,
пересеченная плоскостью,
дает сферу...*

*О мир четырехмерный!
Как редко видим мы тебя,
и главное — немногие из нас тебя увидеть могут.
А может быть,
трехмерные существа,
несправедливо обиженные природой,
просто не имеют органа,
чтоб осознать
вещей четырехмерность?*

*И только очень редко,
как отзвук наивысшего состояния
до них доходят
очертания сверхсфер:
и сверхлюбви,
и сверхпоэзии,
сверхгероизма
и сверхсмерти...*

*Я молод был,
и я не понимал,
как это люди бьются, словно птицы,
в своей трехмерной клетке
и почему уходят на смерть с песней,
следы любви, сжигающей дотла.*

*А ведь в четырехмерном мире
жизнь продолжительностью не измерить,
ни счастьем,
ни богатством,*

*ни успехом,
ни неудачей...*

*Бессильна трехмерная логика перед
жаждой свободы
четырёхмерной.*

*Закройте глаза,
закройте глаза
и почувствуйте:
то, что раньше вы называли богом,
стихотворением
и бессмертием,
всего-то и было
четвертое измерение.*

*Есть четвертое измерение!
В нем все проще, и все в нем взволнованнее.
Словно губы, которые видишь,
и другие, что целуют тебя...*

*Есть четвертое измерение.
Но немного достойных того, чтобы их охватила
сверхлюбовь или сверхненависть.
И немногие умирают, как Ботев,
немногим сверхсмерть суждена.
И сверхсмелость немногим дана.
И все же они — магелланы,*

*открывающие
трехмерному миру
четырёхмерную значимость
беспокойства,
самоотречения,
подвига
и поэзии.*

ЗАБЫТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

*Я задумал стихотворение,
а потом я его позабыл.
Может быть, оно не было стихотворением,
лишь должно было стать им?*

*Я в кафе придумал его.
А за окнами дождь молотил.
Хорошее было стихотворение!
Мне кажется, я его где-то читал,
а потом позабыл...
Но это, конечно, не так.*

*Никто не читал его. Даже я сам
не мог его прочитать...*

И было оно как ребенок, что не родился...

*Напрягаю свой мозг:
каким оно было, это стихотворение,
которое не родилось?..
О чем рассказывало?
Забыл. Не помню.
А было оно хорошее!*

НАСТРОЕНИЕ

*Где ты?
В каком из городов?
Где этот континент?
Где эта улица?
Какая ты?
Высокая ли?
Низкая?
Когда же наконец
наступит тот момент
и я почувствую:
ты — близкая?*

*И я твоих волос
коснусь
рукой
и утону
в твоём бездонном взгляде...
Тогда уже
не потревожить мой покой
ни ревности
и ни досаде.*

*Ну где же ты?
Где? Где?
Подай мне знак,
судьбу мою решаю!
Как ехать?
Поездом?
Машиною ли?
Как?..*

*Земля такая круглая,
большая!*

*Как много городов,
и улиц, и домов,
где ждут тебя на каждом перекрестке
еще не выдуманные
столбцы стихов
и рифм
неслыханные перехлесты.*

*Иду из града в град
и у витрин толкусь,
сверяю путь
по фонарям и звездам...
И жизнь свою
читаю наизусть...
А где же ты?
Ах, не было бы
поздно!*

*Ведь может так случиться:
устала и тиха,
ты снизойдешь,
о странствиях моих едва услыша...
Да я уж буду
лишь строкой стиха,
лишь только именем
в афише.*

*Что есть любовь? Никто не смыслит в этом.
В ней — сто начал, и здесь мертвы слова.
Пусть тобой я проклят перед светом,
в твоих глазах любовь ко мне жива.*

*О, как сложны, как непонятны чувства!
Любовь — и мрак и свет, и рай и ад.
Ни логика, ни страсти, ни искусство
ее загадок всех не разрешат.*

*То вся затаена, то откровенна,
то,
    чем заманчивее, тем больней...
Будь проклята!.. О, будь благословенна...
Благословенье ей!.. Проклятье ей!..*

*Лежишь как королева ты. Всевластна,
хоть нету балдахинов над тобой.
И в старости беспомощной прекрасна...
За окнами снег снова голубой.*

*Он голубой, как долгий путь твой к трону,
как первых строк открытый материк.
Из кос твоих серебряных
  корону
неторопливо время мастерит.*

*Какие годы над тобой летели,
и скольких королевств твоих уж нет!
И что с того, что у твоей постели
ничтожным утешеньем встал поэт?*

*Что страх и восхищенье?
  Знак непрочный.
Быть может, станешь ты пыльцой цветочной
и ветер разнесет ее по знойной,
любовью сотрясаемой земле...*

*Но розы королевские достойны
по-королевски на твоём челе.
Я верю в эти древние приметы,
но, как бы жизнь ни обольщала нас,
на вечность обреченные поэты
так одиноки
  в свой последний час!*

*Милан. На Корсо Гарибальди,
на скамье перед старым домом
жду его. Ночь словно сад огромный
для влюбленных и для поэтов.
Усталые слышатся в ней шаги.
Это он возвращается часом поздним,
остановился рядом со мною!
Что же сказать ему? Слова темны.
Шепчу: «Buona notte, signore!»
«Buona notte», — отвечает он мне
и проходит к себе,
и в окне его свет загорается...
Нет, я вовсе не чужестранец!
Я итальянец, жаждущий звезд и стихов,
знающий, что на юге, у самого моря,
под небом открытым Алигьери лежит.*

ДАЛЬ

*Даль делает мудрыми нас.
Даль — это спокойствие.
Сколько бы глупостей я натворил,
руководствуясь страстью своей!
Но я не могу!
Я так далеко,
за тысячу верст от места того,
где чувства мои имеют значение.*

*Небом своим меня даль опьяняет,
и я благодарен ей,
беззаботно склоняясь
у самых врат небесного спокойствия.*

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

*Приходят из океана тяжелые джонки,
до самых бортов погруженные в теплую воду,
останавливаются у каменного причала,
и на берег сходят с них моряки.*

*Спрашивает задумчивый иностранец,
не пришлось ли им встретить Черное море.
А желтые моряки отвечают,
что им и слышать-то не приходилось,
что где-то есть, мол, такое море,
с таким названием слишком странным...*

*И тогда задумывается чужестранец
над своими стихами и над стихами
друзей поэтов...*

БОЛЬ

*Все женщины стали мне чужды,
и даже*

ты мне чужда...

*Сплю ли я, просыпаюсь —
висит надо мною звезда.*

*Но даже звезды мне чужды,
товарищи и жилье.*

*Как хочется мне возвратиться
в далекое детство свое.*

*Чтоб небо, траву и деревья
опять в свое сердце вернуть,
и чтоб надышаться покоем,
и от любви отдохнуть.*

ГОЛУБАЯ ПЕСНЯ

*Подобно мраку,
страстна и черна,
во тьме кромешной
ждет меня она.*

*И темный барабан
во мраке бьет.
Над светлую Гаваной
ночь плывет.*

*Темнеют в ней
минувшие века.
Доносится их шум
издалека.*

*И ветра трубный глас,
и ветки хруст...
Колени жаждут
ритма и безумств.*

*Но в громе
и в безумии ночей
я светлое
вдруг замечаю в ней.*

*Я вижу,
как прозрачен и велик
ее любви
неповторимый лик.*

*Он словно солнце
на небе ночном —
ни зернышка усталости
на нем.*

*Ни темных тайн,
ни горечи, ни мук...
Лицо любви,
оно раскрылось вдруг.*

*И свет подкатывает
к моим глазам.
Уже не помню:
где я?
Кто я сам?*

*Каким меня
сияньем обожгло?
В какой эпохе
все произошло?*

*Я дом имел —
занесены следы...
Оставь меня!
Недолго до беды!*

*Утихомирь
свой барабан ночной.
В его разгуле —
час последний мой.*

*Едва лишь тень твоя
мелькнет вдали;
сердцебиенье чувствую
земли.*

*И голубая песня
забытья
с небес слетает,
крылья обретя.*

*Подобно обложке огромной книги,
распахивается дверь барака,
и старик выходит второпливо,
и в комнату меня приглашает.
Далекого радио слышится музыка,
белье перед бараком сохнет,
и мечется, и крыльями машет...*

*Я не в Гаване. Я просто вижу
то, что написано на бумаге.
Передо мною — старик реальный,
созданный воображеньем моим.
На все языки переведенный,
изданный в разнообразных форматах.
Книжку, подаренную Эрнесто,
тонкую книжку он потерял.
Нет, он ее не читал. Не обучен
грамоте. Но про нее он слышал,
слушал, как грамотей какой-то
эту книжку читал в корчме.
Кинокартину смотреть отказался —
было некогда. Но между прочим,
в книге все точно. Все было так.
Был паренек (он недавно умер).
Все было так. Но между прочим,
кое-что случилось не с ним.
Есть тут один рыбак Григорио,
который, бывало, на яхте Эрнесто
в море теплое выходил...*

Рыба!

*Если глаза открою,
смогу ли я разглядеть страницы.
услышу ли, как шелестит бумага,
как с акулой схватился старик?
Только не слышно шума бумаги.
Море... Оно бушевать умеет.
И я различаю сухую руку,
в которой толчками пульсирует кровь.
Какой из тех стариков настоящий?
Одинаково оба они бессмертны,
одинаково счастливы и бедны.
Но я лишь теперь понимаю ясно,
что нет никакой*

*литературы,
ни прозаиков, ни поэтов,
а только — люди, ветер и рыбы,
да мощный шорох могучих волн,
и есть барак из зеленых досок,
с бельем, развешенным перед входом,
запятнанным кровавым закатом,
да безначальное ощущение
существующих в мире вещей,
да две руки, иссушенные морем,
стонущие в тоске по веслам,
да лодка, подобная ковчегу
от дряхлости, на борт просмоленный
готовая синие звезды принять,
да запах воды, и земли прибрежной,
и сильной неувядаемой плоти,
охваченной радостью и бессмертием.*

Никто не знает, где он умрет.

Но я-то знаю.

*В последний миг своей жизни я буду
в городе, придуманном мною, в городе,
составленном из улиц, домов и деревьев,
из небес, ливней и звезд
пятнадцати городов настоящих.*

*В этом городе пражская улица
сольется с парижским бульваром,
и набережной мокрые плиты будут
блестеть от огней Гаваны и Рима,
и Москвы веселые сугробы
перемешаются с пальмами Палермо,
и свои почерненные мазутом воды
будет влачить старомодная Шпрее...*

*Я вижу на ваших лицах усмешку:
мол, будет на каждом углу в этом городе
маячить по женщине обязательно
по русой, по желтой, по черной, по белой,
по кареглазой, голубоглазой...*

Нет!

*Там будет одна-единственная,
больше жизни меня любившая
и мною любимая больше всего.
Мы будем любить друг друга всего лишь
одну минуту
перед смертью.*

*Мы сядем с нею в гондолу, и нежно
я руку пожму ей. На площадь Сан-Марко
я отвезу ее, чтобы поклясться
в глаза ей пред ангелом Золотым.*

Тогда умру я...

Нет, не умру я.

Ведь умереть можно где-то, как-то.

Я же умру лишь в глазах придуманных.

Посвящается Н.

*Я снова под старыми деревьями,
снова в нашем садике я тебя ожидаю,
как много лет в нашем садике
я ожидаю тебя.*

*После расставаний, длинных и коротких,
после ненависти и обид
я тебя ожидаю.*

*И ты всегда появляешься
после ненависти и обид,
после длинных и коротких разлук.
Мыжимаем деревьям руки,
и они притворяются, словно нас не замечают.
Ты приходишь украдкой,
и я прихожу украдкой,
потому что мы тайно встречаемся.*

*У меня такое ощущение, что и после моей смерти
долгие годы,
и после того, как умрешь и ты,
мы будем встречаться под старыми деревьями,
опять не видимые никем...*

*О, это вовсе не связано будет с нашей смертью!
Просто мы и тогда будем встречаться тайно.*

*Не помню первой своей любви.
Позабыл я о ней.
Не помню и самой красивой любви своей.
Позабыл я ее.
Не помню и самую сильную,
и самую свою несчастную,
и самую свою трагическую,
и самую свою нежную...*

А может быть, это и ложь?

*Но ту, иную, запомню наверняка,
и поэтому так я боюсь ее,
так трепещу перед ней,
так перед нею бледнею,
перед нею —
последнею.*

По следам моим где-то рядом
желтая злоба...

П. К. Яворов

*Я делаю даже любимых врагами.
Я даже о них размышляю стихами,
в которых презренье, насмешка и яд...
Упреком и сплетней вконец осчастливлен,
под злобными взглядами, словно под ливнем,
иду, и во мне мои строки кипят.
Что ж делать?*

*Я этой борьбой озабочен,
и словно в пожаре я.*

*И оттого
мой смех ядовит, и отточен, и точен,
как нож, что направлен в меня самого.
Во всех человеческих грехах обвиненный,
недоброю славой своей опьяненный,
живу по призванью огня своего.*

*А сможешь ли ты быть счастливой со мною?
С моею виною?*

*С моею войною?
С моими стихами, что множат врагов,
которым плачу я такую цену,
что даже тебя к ним причислить готов?
Я с тайны срываю глухие покровы,
догадки мои и смятение суровы,
и все ж,
молчалива, надменна, строга,*

*по воле моей напоенная ядом,
ответь мне,*

*пускай не словами — хоть взглядом,
что любишь меня даже так.
Как врага.*

*Верни мне, мироздание, глаза,
чтоб все могло мне нравиться на свете,
чтоб не искал я мелких недостатков,
чтоб не искал я крупных недостатков
в природе, и в делах и мыслях
людей, и в лицах красивых девушек,
в их волосах, глазах, поступках!*

*Ведь недвусмыслен
вот этот пурпурный закат,
проникший в синеву морскую...
И нету недостатков
в бескрайности
угасающей воды...*

*Верни мне, мироздание, глаза
того парнишки худенького,
который и не знал когда-то
о недостатках...
И близок травам был, и морю, и закату,
и совершенному всему...*

НЕБО ИЗ БАЛЛАДЫ

*Я не могу прийти к тебе
с отцом моим богатым,
с которым у меня
так много сходства.
Я не могу
прийти и слушать,
как под гитару ты поешь
старинную английскую балладу.*

*И в баре я не смею
за лучший столик сесть,
и заказывать
бокал за бокалом,
и увезти тебя потом
сквозь снег
по улицам широким
в огромном белом лимузине.*

*Я занял в баре
самый последний столик,
рюмку спросил
самого дешевого виски...
Мне сюда
уже никогда не явиться,
ты чувствуешь это —
я путник транзитный
с неизвестного континента,
из неизвестной страны.*

*Но сегодня ты,
словно с гравюры старинной сошедшая,
поешь для меня,
для одного меня.
А тот, что с богатым отцом,
он смеется.
Разве он понимает?
А я не смеюсь.
Холодны за дверью снега,
глубоко за дверью
жестокое небо баллады.*

*Воздух благоухает сладким морем,
сладкой землей,
сладкими скалами...*

*Когда сходили в Тайной пристани
пираты, хмельные от бурь и рома,
их качала еще сильнее
ароматная полночь залива.*

*Перед ними вдруг раскрывались
пещеры с водяными проходами,
и глубокие устья,
наполненные волной океанской,
и пальмы сахарные,
и кровь кабанов в избытке.
И те, что всем рисковали в жизни,
вдруг обретали в Тайной пристани
рай...*

*Мы тоже
ради стихов своих всем рискуем
и всем рискуем ради своей любви.*

*Но где наша пристань
со сладкой прозрачной водой?*

*Где сладкие красные земли
и сладкие скалы?*

*Чтоб нам после длительных бурь совершить
остановку*

*и под крик попугаев веселых пасть
от ножа друга?*

*Над теплым океанским серебром
серебряное облако пасется.
Господствует серебряное солнце
над берегом, изогнутым ребром.*

*Деревьев серебристую листву
серебряные птицы населяют,
и волны серебрятся и пылают
серебряным пожаром наяву.*

*Но миг один — и тьма спешит упасть.
Тускнеет серебро в полночной дрожи.
И мягкое тепло скользит по коже
похоже на серебряную страсть.*

ДЕФИНИЦИИ

*Негритянское лицо,
черное женское лицо,
словно из редкого дерева вырезано,
лицо, на котором неподвижны жаркие губы
и глаза огромны и неподвижны,
странное, неподвижное лицо
с неподвижными черными волосами
родило движение.*

*Длинные черные ноги
цвета мрака и бархата,
ноги негритянки
в духоте тропиков
создали ритм.
Их черными гибкими линиями
выдуман он.*

*Груды негритянки,
твердые, беременные ночью,
сладкой ночью кокосовых снов,
родили боль,
нашу тенистую белую боль,
боль солнца...*

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

*Однажды вечером,
когда мне станет одиноко,
я приду,
я приду,
я приду на минуту
в убогий этот припортовый кабачок
возле океана.
Он будет пуст —
ни женщин, ни матросов,
и будет только граммофон хрипеть старинный,
и негритенок маленький
в халате длинном, бело-грязном
в кувшине джину мне подаст
и будет танцевать босыми ножками
на мокром каменном полу.*

*Он будет танцевать, не зная сам — зачем.
и без причины,
ну просто так,
он будет танцевать
под граммофонный ритм,
под океанский ритм
в халате длинном, бело-грязном
веселыми босыми ножками
на мокром каменном полу.*

*Вид их во мне вызывает страх,
а может быть, и уваженье.
Пыль серебрится на их волосах,
в глазах — движенье, движенье.
Они, словно в поисках неудач,
землю пересекают.
Их случай уводит, упрям и незряч,
болеют они,
голодают.
Тяжелые ящички спины им трут,
а выпадет отдых короткий,
вой ветра им кажется музыкой труб,
к ступням прикипают подметки.
А сердце мое сотрясает страх —
живет не людская в них сила!
Я умер бы, сдался бы, я бы зачах,
меня бы усталость скосила!
Весь мир представляется им с ноготок —
привычное с детства владенье.
То вдоль обойдут его, то поперек,
их души сжигает волненье.
Родные неведомы им города,
любимые чужды пороги.
Движенье всегда.
И они никогда
не знают обратной дороги.
Не знают, что значит свой угол и дом,
что значит грустить, расставаться,
и даже деревьев зеленым огнем
бессильны они любоваться.
И нету для них ни родных, ни друзей,
ни запада*

*и ни востока...
а только вокзалы да ветер с полей,
пустой горизонт
и дорога.*

*Стихи. Они мои. Мои они.
Но ты не верь, что это просто строки.
В них ночи перемешаны и дни,
в них атом жив, в них бродит луч жестокий,
который призван создавать миры
придуманные.*

*Это не куплеты,
не жалкое подобие игры...*

*А были ли когда-нибудь поэты,
которых осмеяли за любовь?
Которых презирали, били в кровь?
Не знаю. И зачем мне знать про это?
Ладонями прикрою я глаза
и помолчу один...*

*Нет, с теми вместе,
что шли со мной в бои любви и чести...
Я вечные их слышу голоса.*

*Стихи. Мои стихи. Мои они.
За них идти готов хоть на галеры —
все потому, что в них — и тьма и дни,
покой и боль моей земной карьеры.
Я жизнью надышался не сполна.
Хочу стихи придумывать, в которых
прольется дождь, крылом взмахнет весна
и явственней проступит тишина
сквозь прорастающей пшеницы шорох.*

*Бескрайние миры сияют надо мной,
бесчисленные города, созвездия...
Но лишь один-единственный мир мой,
мой спутник, вечный город мой — поэзия.
Здесь мне знаком любой клочок земли,
все скверы, тупики и остановки.
Здесь годы мои весело текли,
здесь молод был я без уловки.
Но нынче он в меня вселяет грусть,
хоть жизнь пока мне кажется бессрочной,
порой, как пес бездомный, я кружусь
среди синевы его полночной.
Там в каждом уголке какая-то любовь,
забытая, минувшая, чужая,
свой голосок увядший возвышает,
как будто встреч со мною жаждут вновь
те женщины, чьи стерлись имена,
чьи силуэты призрачны, незримы...
Ведь наши судьбы все неповторимы,
и жизнь у каждого из нас, увы, одна.
Лишь ты единственная явь моя и сон,
мой мир, мой мрак и море света,
моя великая из всех побед победа,
которой я жестоко побежден.*

Как мы горели!
 Мы были горение,
 стихотворения — наше парение,
 мы были движение
 и сомнение...
 Мы были бунтом, бурей и гневом,
 самой эпохой названным «левым»,
 без дипломов и без наград...
 Вместо славы — голод, голод...
 Пороховой
 окружал нас ад...
 Но были мы счастливы,
 и каждый был молод...
 И я был молод...
 И ты был молод...

Теперь все это где-то позади.
 Имеем мы тома стихотворений,
 есть горстка перла от былых горений,
 есть горстка перьев от былых парений,
 и нету в нас уже былых сомнений,
 мы не бунтуем,
 не ломаем дров.
 И каждый рад, что он пока здоров,
 что премии ему идут и слава...

Но нынче молоды другие, право.

*Проверка на время!
Проверка на боль!
Проверка на веру и силу!*

*Хорошим поэтом ты станешь тогда,
когда, не вычитанное в газетах,
не затверженное в учебниках,
это станет известно всем. И будет
признано всеми:
и друзьями твоими, и твоими врагами.
Даже если давно ты не пишешь стихов,
даже если они позабыты.*

*Сменяются моды.
Эпохи.
Несменяемыми остаются поэты.
Еще при жизни превращаются в бронзу
поэты,
если они поэты.*

*Это, наверное, мучительно.
Это, наверное, болезненно.
Незаметно
сердце твое перестанет стучать,
ждать, болеть.
Перестанут глаза закрываться.
Трепетать перестанут ладони.*

*И тебя перестанут любить,
отдавать тебе нежность и мысли,
потому что все инстинктивно почувствуют,
что ты — поэт.*

Лето уходит.

Как всё.

И как все.

Море уже грохочет: «Уходит...»

Листья уже трепещут: «Уходит...»

Птицы неистовствуют: «Уходит...»

*Не пережитое как бы следовало,
как было бы можно*

и мной,

и тобой,

и морем,

и листьями,

и птицами.

Мечты и стремления

плотней и реальной подчас

многих плотных вещей и реальных.

А ведь что они?

Всего лишь мечты и стремления,

тени мыслей и чувств.

Но сердце мое отныне бьется спокойно.

Я уже знаю по опыту,

что иногда большинство и стремлений,

и мечтаний

остаются неосуществленными.

И люди умирают с открытыми глазами,

с глазами полными мечтаний и стремлений,

потерявших надежды сбыться.

Тогда приходят самые близкие наши

и закрывают наши глаза,

чтобы погасли в них мечты и стремления.

*Приходят самые близкие наши,
чтоб помешать напоследок
нашим мечтам и стремлениям,
как они это делали всю свою жизнь.*

ЗАКРЫТЫЕ ГЛАЗА

*Я хочу закрыть глаза,
чтоб слышать музыку,
хочу думать, что я с тобой,
и хочу танцевать с тобой
медленный тот, тот печальный, мучительный
танец,*

*чтобы тело мое тебе ритм передало,
чтобы ритм передало мне тело твое,
чтоб желать прикоснуться к тебе,
но не мочь,
потому что танец такой,
ритм такой,
потому что все это лишь сон,
лишь желание,
рожденное музыкой, которая слышится.
когда закрываешь глаза.*

*Книги, как гроздь,
перезузили лозу
книжного шкафа.
Потому я собрал половину
и роздал.
Оказалось,
что во многих из них
не прочитано мною ни строчки,
что страницы не тронуты.
Все же дело свое они сделали,
годы и месяцы обдавая меня своей пылью,
своими флюидами,
их слова непрочтенные
перешли в мои мысли,
проникли в стихи.
Почему же я так поступил с ними неблагодарно?
Ах, мы всегда поступаем так с теми,
кто питает к нам
тихую преданность книг.*

ВОПРОСЫ НЕТЕРПЕНИЯ

*Какая любовь сильнее:
та, что длится секунду,
или та, что — века?
Верность долгая
или измена короткая?
Жгучая страсть
или тихая нежность?..
Я тебя жду!
О любви размышляю
и мысли в тетрадь заносу,
потому что ведь скоро
ты придешь,
и материя мышления
превратится
в материю чувства,
которая ближе к горящим светилам,
чем к горящим словам...
Приходи!*

МУДРОСТЬ

*Мы не прочтем всех прекрасных книг,
которые следовало бы прочесть!
Всех прекрасных пьес
не увидим!
Не пройдем по всем красивым городам,
и на улицах их никогда-никогда
не послышатся наши шаги!
И не будем любить
многих женщин,
которых могли бы любить!
А женщины,
которые нас бы могли полюбить,
никогда нас не встретят!
А уж что говорить о стихах и пьесах,
которые мы бы могли написать!*

*Мир таков... Такова наша жизнь...
О, приди к нам на помощь, высокая мудрость!
Снисходительная улыбка!
О ирония, нам помоги!
И все-таки
то, что мы сделали
или сделаем, —
это немало.
А если хоть капелька в этом
борьбы,
и победы,
и гордого поражения,
бездонной любви,
и хороших стихов,*

*и особенно
мудрой смерти,
свободой оваянной...
Чего же еще нам желать?*

*Ведь мы — люди такие,
какие были до нас,
и такие же, какие и после нас будут,
и, может быть, если мы
чем-то очень немногим,
а в сущности очень многим,
не изменим порядка вещей,
мы, люди,
которые не сумеем прочесть
все прекрасные книги,
посмотреть все прекрасные пьесы,
полюбить...
и т. д.,
как сказано было в начале
этого стихотворения.*

ЛОЖЬ

*Ухожу на премьеру,
чтоб найти свою славу,
такую,
какой не бывать ей вовеки...
Не оправданный,
не осужденный,
буду стоять перед рампою освещенной,
перед злобою серо-зеленой.*

*Ухожу на премьеру.
Дрожу.
Ты должна быть рядом,
возле меня,
подобна ангелу судного дня,
ты —
молчаливая,
и счастливая,
и,
как слава обретенная,
лживая.*

*Завидую тебе, что ты не поэт.
Ты делаешь то,
чему очевидна цена.
Ты в суде выступаешь,
ты брешь людей,
и играешь на сцене,
и в оркестре водишь смычком.*

*Я же делаю нечто весьма относительное,
настолько сомнительное,
настолько неясное,
настолько опасное,
что порою мне кажется: ничего я не делаю,
это просто мне снится ночами.*

*Совершенства достигнуть
стремится любой, если может достигнуть.
Совершенство имеет размеры, цену, качество...
Быть поэтом — такое чудачество:
нечто неясное, нечто опасное,
относительное
и сомнительное,
похожее на дуновение в ночи,
скрывающее все вещи,
их очертания,
размеры и сияние.*

ОПАСНОСТЬ

*Опасные чувства меня охватывают
Помоги мне!
Боюсь, что начнется
любовь к тебе,
потому что рано иль поздно
этого не миновать.*

*А ведь жизнь возможна,
если смерть презирать
и считать нереальной ее
и далекой...*

*Разве дерево прорастающее
думает о конце?
Разве волчонок,
на смерть рождающийся,
думает о конце?
Разве звезда, ослепительно вспыхивая,
размышляет о мраке?
Я должен жить!
И я буду жить!
Я живу, а мысли о смерти не дают мне покоя...
Ты люби меня
вопреки тому, что все приходит к концу,
даже любовь.*

*Я помню твою любовь, сконструированную в
Марселе.*

*Многоэтажная радость. Белый бетон.
Я вижу твои усилия — парить надо всеми
выше, выше, в пылающий небосклон.*

Ле Корбюзье!

Ты сказал: «Начало да будет!..»

*И оно возникло, и оно вознеслось на глазах,
и стоит, как надгробье твое, средь празднеств
и буден,
утопая в стекле и бетоне и в молодых голосах.*

Ты был не градостроителем. Ты был поэтом.

*И с тобою не вяжется «урбанизм» и
«двадцатый век»...*

*Ты создал города бесчисленные, но при этом
для себя самого построил маломестный ковчег.*

*Скромный сарайчик с комнатой единственной,
повернутой к синему морю мечты...*

*Поэты-то знают, что великие истины
всегда бессмертны.*

И не терпят они суеты.

*И они за собой оставляют только просторы
и ничего из них не берут для себя,*

*как поэт,
миллиарды квадратных метров солнца, который
отдал людям и миру на тысячи лет.*

*Тебя зовут Варналис. Город
прошлого твоего называется Варна.*

*Колышутся и гудят моря,
их воды смешиваются в Босфоре,
и сливаются в единый простор, великий и
бессмертный,
море Черное и море Эгейское.*

*Я тоже из Варны. И даже во сне
мне видятся белые домики на берегу песчаном,
покрытом ракушками... И инжир,
созревающий в теплых ночах.*

*И вот твои гневные песни в слова
я укладываю. Те самые,
что ты слышал когда-то в детстве,
в забытой юности.
И чувства твои переполняют
жесткие строфы стиха.*

*И проходят они сквозь Босфор двуязычный,
подобные водам Эгея,
и болгарским звучаньем своим
проливаются в сердце мое, в слух мой и в кровь.*

*Утро вспыхнуло под небесами,
разогнало туман голубой.
Скалы Росаса перед глазами
замаячили влажной толпой.*

*Фиолетовые очертания
входят в сердце ударом штыка...
Вот она перед нами, Испания!
Молчалива, строга, далека.*

*Пестрых флагов над берегом нету,
корабли на ветру не дымят,
только скалы навстречу рассвету
с недоверием стражи глядят.*

*И на наших щеках слезы боли
оставляют дорожку свою...
Или близких забыли мы, что ли,
похороненных в этом краю?*

*Потому-то и видим, быть может,
мы в Испании что-то свое.
Неспроста ж наши души тревожит
фиолетовый контур ее.*

Любовь

*нуждается в тайне,
в лукавстве и маленькой лжи.
Ей нужно казаться бескрайней
во имя горенья души.*

*Ей нужно пройти сквозь мытарства
не нескольких лет, а веков.
Ей нужно служить не лекарством,
а самую сутью стихов.*

*Ты ратуешь только за ясность
и за простоту до конца...
но в этом таится опасность —
от этого гаснут сердца.*

*Анализ и ясность — ромашка.
анализ и точность — просчет...
Любовь, как в альбоме ромашка,
поникнет, засохнет, умрет.*

*Входи в нее как бы случайно,
как в мир неизвестных цветов,
но так, чтобы тайна, лишь тайна
в любви.*

И во веки веков.

*Невероятный, глупый аппарат!
Зачем ты повторяешь однажды высказанные
слова?
Зачем давно пропетые песни крутишь снова?*

*Ты словно попугай,
бессмысленно твердящий
пустые для него слова.*

*Ты словно следователь,
бездушно напоминающий то,
что было
и чему никогда не бывать.*

*Ничто не возвращается. И ты напрасно
записываешь. И зря произнесенные слова
опять летят по комнате,
как будто бы в галлюцинации.*

*А почему же я молчу и плачу?
И лента почему мокра?
То слезы или дождь?
Был дождь?
А ведь гуляло лето,
когда на чистой ленте
прибор записывал послушно ложь.*

*И я им верил. Это ли не счастье?
Зачем же ты их вновь напоминаешь мне?
Ведь лето минуло,
кусты не зеленеют,
и я научен
не доверять словам...*

*Ты весь из винтиков, колесиков, пластинок.
Завидую тебе, магнитофон.*

*И наши человеческие бури
навсегда тайной остаются для тебя.
Ведь никогда ничто не может вернуться,
и ты напрасно стараешься,
невыносимый, глупый аппарат!*

*Какое молодость твоя сказала слово,
что стал я снова прежним, молодым?..*

*Я по полю бегу, цветами снова
кружится надо мной вечерний дым.
Мальчишка я. Все впереди. Там где-то.
Жизнь вечная. Я буду вечно жить.
Я по полю бегу. Как много света
в моей груди! Его не погасить.
Я им дышу. Я не могу иначе.
С моею кровью перемешан он...*

*Исчезло зло, забыты неудачи,
печаль и боль растаяли, как сон.
Я снова чувствую себя счастливым.
Твоя рука навек в моей руке.
Зачем считать минуты суетливо,
как медные монеты в кошельке?
Ты смотришь на меня. И ты мне рада.
А большего мне ничего не надо.
Я слышу голос сердца твоего...
А больше мне не надо ничего.*

*Природа мудра и прекрасна:
Над нами сильна ее власть.
О, вовсе она не напрасно
зажгла в нас могучую страсть.*

*Дала на века наслажденье,
чтоб был бессмертен наш род.
«Ваш жизненный долг — продолженье...»
«Материя верит и ждет...»*

*В химерах подобных нет толку,
природе химеры смешны.
Светила горят не по долгу,
как мы на земле влюблены.*

*И я у полночной, зеленой,
у тихой звезды на виду,
как раб с головою склоненной,
сгорая, шагов твоих жду.*

Мало быть поэтом —
нужно быть влюбленным!

Буало

*Буало, ты много сказал мне.
Я теперь хорошо понимаю.
А ведь раньше понять я не мог,
почему называют кого-то поэтом,
и еще того меньше —
почему считают,
что, может быть, я...*

*Но всегда был влюблен я.
В свою молодость,
в листья деревьев,
и в идеи свои,
и в апрельские ночи,
и в девушек...
И вот столько лет
я влюблен и в тебя,
моя страсть, моя боль
и презрение.
Я не знаю,
как пишутся стихотворения.
Я их
живу.*

ПОСМОТРИ!

*Это очень короткое стихотворение.
Короткое, как наша любовь,
как наши разговоры.
Небо было абсурдно красным
с огромной звездой
и листьями пальмы.
Ты изумленно воскликнула: «Мича!»
«Посмотри!» — изумленно воскликнул я.
И стал умирать закат
с замиранием голоса твоего.*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

*Обязанность смертельна для любви.
Но — все она, когда любви поток
обширней мира, горячее крови
и яростнее Байроновых строк.*

*Ответственность!
Тяжки твои ладони,
но это ты нас делаешь людьми :
и нашу плоть — ожившей глины комья —
соединяешь с вечностью в любви.*

*Ответственность...
Как пропасти в тумане,
отпугивает часто нас она.
Но без нее любовь — вода в стакане:
прозрачна, бесполезна, холодна.*

*Ты пьешь ее. Еще налейте! Снова!
Но долг есть долг. Есть смерть.*
На склоне дня
*последнее за ней таится слово...
Любимая, спаси от мук меня!*

*Тебя не будет — я в стихотворенье
придумаю тебя, твой лик земной.
Но долга свет, но свет успокоенья —
он должен быть всегда передо мной.*

*Он в нас сошел с ладони материнской,
а мы его теперь все ищем в той,
что из безумств любви, из всех неистовств
в конце концов нам принесет покой.*

*Обязанность, ответственность, забота,
сознание, что ты необходим,
нас делают людьми.*

*И оттого-то
бессмертен мир, и мы бессмертны с ним.*

СЛОВНО ХЛЕБ

*Что велик наш язык, я сказать не могу.
Впрочем, это и к лучшему, надо признаться:
на пороге своем, на своем берегу
за всемирною славой не станем гоняться.*

*Пусть он мал средь могучих иных языков,
пусть ему в переводах и нечем гордиться...
Будет он в своем доме во веки веков,
словно хлеб в каждой хате крестьянской,
цениться.*

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов на пороге этой книги	5
Море и призраки	7
Глубина	9
Нежность	10
Интимное	12
Деревья Силезии	13
Перед отъездом	14
Эйнштейн лежит в земле своей	16
Мир до краев стихами переполнен	17
Города	19
Казанова	22
Мужчины	23
Веселая песня	24
Вечер	27
Акварель	29
Атлантический океан	31
Четвертое измерение	32
Забывтое стихотворение	36
Настроение	37
Хаос	39
Анна Ахматова	40
Квазимодо	41
Даль	42
Относительность	43
Боль	44
Голубая песня	45
Старик	48

Таинственно	50
Ощущение	52
Страх	53
Враг	54
Боль	56
Небо из баллады	57
Пуэрто Эскандидо	59
Тропик Рака	61
Дефиниции	62
Однажды вечером	63
Авантюристы	64
Жажда	66
Сияние	67
Поколение	68
Поэт	69
В конце лета	71
Закрытые глаза	73
Афоризм	74
Вопросы нетерпения	75
Мудрость	76
Ложь	78
Боль	79
Опасность	80
Ле Корбюзье	81
Посвящение к стихотворениям Варнальса	82
Испанская земля	83
Тайна	84
Магнитофон	85
Какое молодость твоя сказала слово	87
Природа мудра и прекрасна	88
Искусство познания	89
Посмотри!	90
Ответственность	91
Слово хлеб	93

Б. БОЖИЛОВ

ВЕСЕННЯЯ ПОЭЗИЯ

Художник *А. Борисов*

Редактор *А. Собкович*

Художественный редактор *А. Купцов*

Технический редактор *А. Пономарева*

Сдано в производство 31/І 1968 г. Подписано к печати
24/VI 1968 г. Бумага 70×108^{1/32}. Бум. л. 1,5. Печ. л. 4,2.
Уч.-изд. л. 2,79. Изд. № 12/8583. Зак. 158. Цена 35 коп.

Издательство «Прогресс» Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 21

Московская типография № 37 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.